

ЮРИЙ ПРОХАНОВ

ЗА МУЖЕСТВО И ОТВАГУ...

Он лежал на госпитальной койке, а в распахнутое окно вливались теплые, сиреневые московские сумерки. Он лежал и с каким-то странным чувством, будто эти скупые газетные строчки не о нем, Ариане Игнатьеве, а о ком-то другом, в который уже раз принимался перечитывать указ:

«За мужество и отвагу, проявленные при задержании вооруженных преступников... наградить...»

И снова, будто наяву, чувствовал, как лицо его обжигал ветер погони за той машиной. Снова видел, как оттуда высовывается черный ствол и почти в упор прошивает пулями их УАЗик. Опять слышал дробный, сухой перестук своего автомата, посылавшего ответную очередь. И на эти воспоминания тупой болью отзывалось раненое плечо.

В начале пути

Из анкеты. Игнатьев Ариан Иванович. Год и место рождения — 1946, Якутская АССР, Сунтарский район, село Тойбохой. Национальность — якут. Партийность — член КПСС с 1970 г. Образование — высшее, юридическое. Окончил в 1973 г. Высшую следственную школу МВД СССР...

Нечасто теперь, увы, доводится Ариану посещать родные места, ступать по хоженным-перехоженным дорожкам страны своего босоногого детства — села Тойбохой, взятого в плен тайгою. Здесь его корни, земля предков. Отсюда и

пошел крепкий род Игнатьевых — людей, сызмальства не гнушавшихся никакой работой: таежных добытчиков, охотников, рыболовов. Вот и его, Ариана, постепенно приучали крепко держать ружье и метко целиться, бегло читать «лесную книгу», ловко управляться с немудреной рыбацкой снастью на полноводной реке Виллой.

Ему еще не исполнилось и восемнадцати, когда он остался в семье — у матери и трех младших сестреночек — сам-большой: внезапно умер отец. Окончив десятилетку и шоферские курсы, Ариан садится за баранку грузовика — благо, сил у него, широкоплечего, крепкого парня с живыми темно-кариими глазами, и тогда уже хватало. В свой срок он уходит в армию, служит в далеком Приморье. Солдат любовно относится к личному оружию, отличается на стрельбищах.

В армии закалился духом, раздался в плечах. И еще, научился быстро соображать в острых ситуациях, действовать решительно и хладнокровно. А это для жизненного багажа Игнатьева — человека с характером во многом взрывным, импульсивным — оказалось весьма ценным приобретением.

После армии вернулся на то же предприятие — на Сунтарскую машинно-мелиоративную станцию. Приняли с радостью: кто же откажется от хорошего работника? Там через некоторое время и произошло знаменательнейшее событие в жизни молодого водителя: его приняли кандидатом в члены партии.

В производственной характеристике Игнатьева тех лет были слова: «активный общественник». А за ними стояло вот что: Ариан многие свои свободные вечера отдавал работе в дружинке. Случалось, патрулируя, задерживал правонарушителей. Проверял, как ведут себя в семье те, кто был взят на заметку. Тогдашние руководители Сунтарского райотдела не раз заводили с ним разговор о милицейской службе. Давали отдельные поручения — выполнял на совесть. Так исподволь, постепенно созревало в нем убеждение, что это дело его, кровное. Решил: надо учиться. А тут попался ему на глаза напечатанный в «Неделе» репортаж «Будущие шерлоки холмсы» — о Волгоградской высшей следственной школе...

Направление:

«Администрация, первичная парторганизация Сунтарской машинно-мелиоративной станции направляют тов. Игнатьева А. И. после его двухлетней работы шофером как достойного, растущего товарища на учебу в высшее учебное заведение».

Учился Ариан с увлечением, легко. Жадно вгрызался в юридические науки, уходил в книги с головой. И чувствовал, как расширяется его кругозор...

Столь же увлеченно, как делал все, за что брался по-настоящему, стал заниматься спортом, особенно самбо. Его коронных приемов — бросков через спину и через себя — «солнышка» побаивались соперники. Дважды судья поднимал руку перворазрядника Игнатьева, объявляя его чемпионом высшей следственной.

Он полюбил Волгоград, мог без конца бродить по его улицам и площадям, по бывшей линии переднего края, обозначенной танковыми башнями с орудиями, которые и сейчас повернуты в сторону, откуда наступал враг. Мог

подолгу смотреть на Волгу: казалось, она блестит на солнце сталью бесчисленных штыков, — слушать шелест трав на Мамаевом кургане, представлять, как здесь все происходило, и спрашивать себя: «А смог бы так я?»

В городе на великой русской реке Игнатьев вобрал в себя тот заряд мужества, который получает человек от соприкосновения с народной святыней. Он хотел быть достойным тех, кто шел здесь сквозь свинцовую пургу, похожим на них. Об этом думал Ариан, когда в Волгограде принимали его в члены партии...

Следователь

— Что больше всего характерно для Ариана Ивановича и как человека, и как работника? — Начальник Чульмановского поселкового отделения милиции майор Зацепа задумчиво протирает стекла пенсне. — Пожалуй, вот что: исключительная добросовестность, трудолюбие и, как бы еще точнее сказать, безотказность. Вот именно, безотказность...

Приехал он в наш таежный поселок в начале 1974 года. А до этого, окончив Высшую следственную школу, уже несколько месяцев работал следователем в районном центре — городе Алдане. Женился — кстати, на девушке, с которой дружил с детских лет, — получил однокомнатную квартиру. В райотделе им были довольны... И вот вызывает его начальник и говорит: «Ариан Иванович, мы думаем послать вас в Чульман. Понимаете, это очень нужно...»

Действительно, положение у нас тогда оказалось сложное: с прежним следователем пришлось расстаться, дела вести некому. Требовалось учесть и еще одно обстоятельство: в поселке было туго с жильем. И пока могли предложить Игнатьеву только комнату в общежитии. Ему начальник сразу же об этом и сказал... И услышал в ответ: «Если надо, значит, поеду». Теперь, хорошо узнав Ариана Ивановича, я понимаю, что коммунист Игнатьев иначе ответить не мог...

* * *

В деревянном, добротном срубленном одноэтажном доме, где размещалось поселковое отделение милиции, ему отвели небольшой кабинет. С помощью своих новых коллег он здесь же, за дощатой стеной, оборудовал закуток для фотолаборатории, где подолгу «колдовал». Фотографировать Ариан любил с детства. И теперь это увлечение здорово помогало в работе. «Зенит» стал его неизменным спутником. А уголовные дела, уходящие в суд за подписью следователя Игнатьева, были щедро иллюстрированы. Не надо доказывать, как от этого выигрывало качество самого расследования.

И еще, он попросил, чтобы за ним персонально закрепили пишущую машинку. Не из прихоти, конечно. Ариан хорошо умел печатать и перешел, так сказать, на полное самообслуживание. Это обстоятельство отнюдь немаловажное, когда имеешь дело с процессуальными сроками.

А работы у него, особенно на первых порах, оказалось действительно по горло. Каждое утро доставал из сейфа высокую стопку серых папок и буквально терялся: с какой начать? Но таков уж у Ариана характер — с изрядной долей упрямства, да и самолюбия тоже, — что трудности, препятствия не повергали его в уныние, а придавали силы. Приходил и уходил затемно. Жена Люда не обижалась — сочувствовала.

И хотя в ту стопку добавлялись текущие дела и материалы, все-таки постепенно она начала таять. Разумеется, происходило это благодаря усилиям не одного следователя. Что и говорить, не любил он перекладывать работу на чужие плечи, но и от помощи не отказывался. Заботы и хлопоты расследования неизменно делили с ним ставшие его добрыми товарищами старший госавтоинспектор Владимир Купчинский, участковый Анатолий Панасенко, инспектор ОБХСС Станислав Мотов и другие сотрудники милиции.

Старший лейтенант милиции С. Мотов:

— Мне нравится почерк Игнатьева как следователя, его стиль работы. Есть у него хватка, цепкость. Он не довольствуется тем, что само идет в руки, лежит на поверхности, а стремится вникнуть в суть дела, «раскрутить» его до конца. Особенно это характерно для хозяйственных дел, по которым наши с ним усилия обычно объединяются...

* * *

Ариан хорошо помнит, как было расследовано одно из дел — о злоупотреблениях школьного завхоза Луценко из поселка Золотинка. Этот скромный с виду человек втихомолку скупал у местных эвенков оленей и втридорога продавал на мясо в райпо, то есть занимался спекуляцией. С самого начала удалось установить несколько подобных фактов, которых, в общем-то, вполне хватило бы, чтобы привлечь спекулянта к ответственности. Но следователь этим не удовлетворился.

Вместе с Мотовым они подняли за несколько лет кипы документов в потребкооперации. И хотя пришлось изрядно покопаться, но, как оказалось, не зря: удалось точно очертить круг преступных махинаций не в меру предприимчивого завхоза. Теперь нужно было собрать доказательства скупок — свидетельские показания самих оленеводов. Но большинство из них находилось в тайге, на дальних пастбищах. «Что ж, — сказал Игнатьев, — придется просить вертолет...»

Целую неделю мотался он по тайге от одной стоянки к другой. Сидел у жарких костров, пил наваристый, припахивавший дымом чай и вел неторопливые разговоры с эвенками. Сначала — как требовал негласный этикет — о том о сем и лишь постепенно приближался к деловой части. Обычно эти разговоры заканчивались тем, что его собеседник, невозмутимо попыхивая трубкой, качал головой:

— Однако плохой человек Луценко...

И начинал рассказывать о продаже оленей. Тогда Игнатьев садился за столик, вбитый ножками в землю, и своим быстрым почерком писал протоколы

допроса. А потом, когда дело было сделано, отправлялся, проваливаясь по колено в пушистом мху, бродить по тайге и не мог ею налюбоваться. Спускался в распадки к бурным холодным ручьям ипил удивительную, настоящую на лесных запахах воду, пока не начинало ломить зубы. Ночью на небе расцветали звезды, словно вобрав в себя прозрачную голубизну отгоревшего дня. Он забирался в спальный мешок и засыпал, слушая, как вздыхают, трутся рогами об изгородь олени и тонко свистит запутавшийся в кронах ветер. А утром его будило деловитое стрекотание спускавшегося вертолета...

Из тайги Игнатьев вернулся с пухлой пачкой протоколов и полным представлением о той кругленькой сумме в несколько тысяч рублей, которую нажил завхоз. Вот теперь уже можно было со спокойной совестью ставить последнюю точку в уголовном деле.

Разумеется, случались у него вначале и огрехи — не без этого. Получил даже из суда дело на доследование — правда, лишь однажды. Подвела поспешность: поджимали сроки. Уголовное дело об ограблении, в котором участвовали двое, досталось «в наследство» от прежнего следователя. А Игнатьев, посчитав, что вроде бы все там в порядке, провел кое-какую дополнительную работу и засел за обвинительное заключение.

Уже потом, изучая с пристрастием возвращенные материалы, понял, какую злую шутку сыграла с ним торопливость. Суд был прав — виновность арестованных доказана не полностью, и в этом его, следователя, вина. Искушал ее истово, расследовал фактически все сначала. Камнем преткновения оказались деньги, изъятые у одного из грабителей во время задержания: последний утверждал, что купюры принадлежат ему, а потерпевший показал, что они отобраны у него.

Ариан не успокоился до тех пор, пока не доказал, что обвиняемые попросту лгут. Для этого ездил в Алдан, откуда прибыли в поселок оба «молодца», узнал, какую зарплату они в тот день получили. Допросил о сделанных ими покупках продавцов продовольственного магазина и работников гостиницы, определив таким образом истраченную сумму — она заметно превосходила полученную.

Но самое главное — чисто следственным путем установил, что тем же вечером обвиняемые совершили еще два преступления, и затем тонко сыграл на противоречиях в их показаниях во время очной ставки. В суде дело прошло без сучка без задоринки. А он сделал для себя зарубку на память: поспешать-то надо медленно.

Майор милиции Ф. Зацепа:

— Производя расследование, Игнатьев все делает обстоятельно — таков его принцип. Но, пожалуй, особенно внимательно, я бы сказал, скрупулезно относится он к осмотру мест происшествий. Производит их сам по большинству своих дел. Для этого зачастую ночью, прихватив следственный портфель, садится за руль милицейской машины и отправляется за десятки километров. И уж не успокоится до тех пор, пока все детально не высмотрит, не найдет следов, не изымет вещественных доказательств. Сколько раз это помогало быстро раскрывать преступления.

А однажды ему пришлось искать... само место происшествия. Позвонила в отделение женщина и говорит: «У меня сидит моя подруга. Ее ограбили двое пьяных парней». Зацепа и Игнатъев кинулись туда. Выслушали взволнованный, сбивчивый рассказ потерпевшей: оглушили, потеряла сознание... Когда следователь осматривал шубу Н., то, обнаружив шесть крохотных опилок, аккуратно собрал их и спрятал в пакетик. И что вы думаете — пригодились! Они в конце концов привели к «большому сараю», оказавшемуся столяркой одного из предприятий, а затем и к работавшему там некому Пялову. Преступники получили по заслугам.

И в то же время его неизменное кредо, святая святых — объективность. Предельная объективность. Вопрос — привлекать к ответственности или нет? — не решает с кондачка, впопыхах. Не единожды взвесит, прежде чем отмерит. Произошло как-то ЧП: владелец «Запорожца» сбил девятилетнего мальчишку, нанес ему серьезные повреждения. Имелись обстоятельства, которые свидетельствовали отнюдь не в пользу водителя. Да и общественное мнение поселка было против него. В отделение звонили возмущенные жители: «Частники детей наших давят, а вы церемонитесь! Под суд его!»

Но Игнатъев с окончательными выводами не спешил, собирал и детальнейшим образом исследовал доказательства — и те, что «за», и те, что «против». Только изучив по этому делу все, что можно было изучить, сделал окончательное резюме: нет, водитель не виновен, не мог он в той обстановке предотвратить наезд. Так восторжествовала справедливость...

Лейтенант милиции В. Жуков — начальник отделения вневедомственной охраны:

— В том, что нашему Ариану мужества не занимать, мы имели возможность убедиться и до того случая. Как-то под вечер, когда я был ответственным дежурным по отделению, раздался телефонный звонок: «Приезжайте скорее, здесь пьяный стрельбу открыл из ружья!» Мешкать было нельзя. В дежурной находился один Игнатъев. Он понял меня с полуслова. Мы с ним взяли пистолеты и — бегом в машину. Подъезжаем к дому, а нам говорят: «Вот в той квартире он заперся». Держа оружие наготове, осторожно подошли к двери, постучали, а сами отошли за угол. Никакого ответа. Тогда Ариан мне шепчет: «Давай я рискну — у тебя все-таки двое детей!» Не успел я возразить, как он подскочил к двери и, обрушив на нее сильнейший удар ноги, отпрянул в сторону. Щеколда хрястнула — дверь распахнулась. В комнате было тихо. Войдя туда, мы застали такую картину: пьяный спит на полу, а рядом валяется ружье. В обоих стволах по патрону, курки взведены — только нажать. В общем, можно считать, что нам здорово повезло...

Игнатъев очень быстро вписался в наш молодежный коллектив. Оно и понятно: Ариан отличный товарищ, отзывчивый, компанейский, в хорошем смысле слова заводной... Любит шутку. С людьми сходится легко. В то же время исключительно принципиален, правду-матку скажет в глаза, не слукавит. На партийных собраниях выступает горячо, заинтересованно, вопросы ставит

остро, особенно когда заходит речь о недостатках, критикует не взирая на лица.

На 406-м километре

Их было пятеро — злобных, решительных, готовых на все. Вооруженных до зубов. Каждый из этих людей имел дело с правосудием и хотел держаться от него как можно дальше. Им надо было поскорее вырваться из Алдана, где их искали, где шли за ними по пятам, поскорее оставить позади несколько сот километров, отделявших их от Транссибирской магистрали. А там ищи-свищи. И потом уж они себя покажут, погуляют, порезвятся... Правда, у них не было денег, еды. Но этим можно разжиться по дороге: на что же тогда автоматы и пистолеты?

С первой захваченной машиной не повезло: кончилось горючее. Пришлось бросить. Тогда морозным утром они высмотрели на автозаправочной станции автомобиль с красным крестом — «скорую помощь», — баки которого только что были залиты бензином. На шофера навели дула пистолетов: «Попробуй пикни!» Набирая скорость, машина рванулась по Амуро-Якутской магистрали на юг, к поселку Чульман. Стрелка спидометра плясала возле цифры «100». До поселка было двести пятьдесят километров...

Сообщение о том, что в Алдане появилась группа вооруженных преступников, поступило в дежурную часть Министерства внутренних дел Якутской АССР в 6 часов 50 минут 24 февраля 1975 года. А уже через несколько минут оттуда понеслись в разные концы республики телефонные и радиокоманды: по указанию министра генерал-майора милиции Удовенко немедленно вводился предусмотренный для таких случаев план чрезвычайных действий. По всей Якутии — частично, в Алданском и еще семи близлежащих районах — полностью. Заработал не раз проверенный в учебных условиях механизм...

По тревоге собран личный состав министерства. Сразу же ориентированы соседние области и республики. Под особую охрану берутся аэропорты, узлы связи, здания отделений Госбанка, сберкасс, почты. Усиленные наряды сотрудников милиции, общественников, дружинников блокируют в узловых местах магистраль как на север, так и на юг от Алдана. Перекрываются въезды во все поселки, расположенные вдоль тракта. Туда, где появятся разыскиваемые, в любой момент готовы прибыть на машине или вертолете оснащенные специальными средствами оперативно-поисковые группы, в состав которых входят проводники с овчарками.

В самом Алдане идет методическое прочесывание квартала за кварталом. Особенно тщательно проверяются магазины, столовые, заброшенные строения...

Поселок Чульман. Раннее утро 24-го застаёт сотрудников отделения в сборе. Сообщено о случившемся председателю райисполкома Кочневу, председателю поссовета Власевой. И вскоре в распоряжение милиции поступает несколько автомашин и около сорока наиболее опытных дружинников, часть из них

вооружена охотничьими ружьями. Буквально на ходу созданы шесть оперативных групп. После короткого инструктажа они разъезжаются в намеченные пункты.

Двенадцать с минутами. В дежурной части отделения один за другим раздаются два звонка. Первый: дружинники, блокировавшие вход в поселок Большое Хатеми, передают, что мимо них промчалась «скорая», хотя они и пытались ее остановить. Второй: только что в Алдане стало известно — разыскиваемые захватили «скорую помощь» и движутся в сторону Чульмана. Дежурный тут же звонит Зацепе, уехавшему в аэропорт.

Майор решает: немедленно поставить обо всем этом в известность группу Мотова и Игнатьева, находящуюся ближе всех к преступникам — у Чульмаканской петли. Туда спешит на машине дружинник Сарских.

Но, как потом оказалось, было уже поздно: события их опередили.

Чульмаканская петля — она находится в полутора десятках километров севернее аэропорта — потому так и называется, что дорога здесь вьется причудливым серпантинном между сопками, то карабкаясь вверх по их склонам, то ныряя в распадки. Место для заслона превосходное.

Сюда-то и прибыла на двух УАЗах опергруппа — Мотов, Игнатьев, милиционер Родионов и трое дружинников, среди которых — водитель Журба. Машины замаскировали чуть в стороне, на небольшой площадке. Оба офицера пристроились возле размашистой лиственницы, по очереди разглядывали петлю в бинокль. Видимость в этот ослепительно-солнечный, с ядреным морозцем день была отличная...

Проверена одна машина, вторая, третья... Ничего подозрительного. Когда Мотов уехал звонить в отделение, Ариан еще издали заметил зеленого цвета автомобиль-фургон с красным крестом. Что-то ему сразу не понравилось. Приглядевшись, понял, что большая, явно большая для такой дороги скорость. Опытным шоферским глазом определил: не меньше 80—90 километров в час. Выждав момент, когда «скорая» заканчивала последний, самый крутой подъем, Игнатьев — он был в штатском — вышел на трассу и сделал знак остановиться. Но что это? Вильнув в сторону так, что скрипнули тормоза, фургон помчался дальше — благо, дорога уже шла под уклон. В этот момент следователь успел заметить: в кузове мелькнули головы людей. «Значит, они!»

Острое, пронзительное ощущение опасности и — мгновенно пришедшее решение: немедленно в погоню, времени на сбор группы не терять. Крикнул Журбе: «Заводи! Быстрее!» — и сам с автоматом вспрыгнул на переднее сиденье.

В спешке, как назло, не сразу завелся мотор — драгоценные секунды были упущены. Когда рванулся их УАЗик, та машина уже пропала из виду. Но такого опытного шофера, как Михаил Степанович Журба — тридцать лет за рулем, трассу знает как свои пять пальцев, — это не обескуражило. Да и опасности он привык смотреть в лицо: во время партизанских боев в белорусских лесах и потом, когда шел на запад в солдатской шинели, бывало всякое...

— Догоним, Иваныч, непременно догоним! Сам видишь — идем под сто десять...

Навстречу им неслась нескончаемая белая стена леса. Тугой, колючий ветер яростно бился в лобовое стекло, на поворотах автомобиль отчаянно заносило, но он продолжал пожирать спрессованные скоростью километры. А впереди ждала неизвестность — тревожная, опасная.

Развязка наступила у 406-го километрового столба, как раз там, где магистраль пересекала старая грейдерная дорога, ведущая в аэропорт.

...Наконец-то впереди замаячил зеленый кузов. Игнатьев впился в него глазами — аж пот прошиб от напряжения! Расстояние между ними неумолимо сокращалось. Метр за метром. Он видел, как несколько раз приоткрывалась и тут же захлопывалась задняя дверца машины. Оттуда тоже велось наблюдение.

И вот в тот момент, когда они уже настигали «скорую», из ее бокового окна высунулся ствол автомата. И тут же ударила очередь. УАЗик наполнился грохотом и звоном.

Правое плечо Ариана полоснула резкая боль, а рука враз онемела и налилась свинцовой тяжестью. Журбе пуля угодила в ногу. Живы они остались каким-то чудом — под слишком острым углом прошла очередь. Заднее сиденье, на которое пришелся основной удар, было все изгрызено пулями.

— Нажми еще! Обгоняй! — крикнул Игнатьев.

Когда им удалось вырваться вперед, он оглянулся. Что ж, момент был вполне подходящим. Держа одной рукой ствол автомата и нажимая на спуск другой, раненой, Ариан послал ответную очередь. Прямо сквозь заднее стекло своего автомобиля. С удовлетворением увидел, что попал. «Скорая» резко затормозила. Из нее посыпались «пассажиры». Подумал: «Далеко не уйдете: тайга, снега по пояс».

Водитель М. Журба:

— Когда мы скрылись за поворотом и та машина пропала из виду, Игнатьев велел мне затормозить. Сказал: «Этих гадов нельзя пропускать в Чульман. Я останусь здесь и задержу их в случае чего... А ты поскорее привози подмогу».

Я стал ему возражать, говорил, что нам обоим нужно ехать в поселок: ведь мы же ранены. Он и слушать не захотел, попросил только достать из подсумка патроны... Уже потом я узнал, что впопыхах Ариан оставил в кабине шапку. А ведь с якутским сорокаградусным морозом шутки плохи...

* * *

Не обращая внимания на кровь, которая непрестанно капала из рукава полушубка, с тяжелой, как чугун, головой, он перезарядил автомат и залег прямо на дороге. Залег, как боец, лицом к врагу. Две запасные обоймы воткнул рядом с собою в снег. Боялся только одного: потерять сознание.

Между тем с аэродрома, возле которого происходили все эти события, поднялся в воздух самолет. Летчик имел задание: наблюдать за трассой. И первое сообщение, переданное им по радио, было таким: «Пятеро идут к аэродрому... по старой дороге...» Навстречу им тут же двинулся автобус с сотрудниками милиции и солдатами, прилетевшими незадолго перед этим из Якутска.

Преступники сдались им без всякого сопротивления, побросав оружие. Как потом выяснилось, они были начисто деморализованы смелыми, решительными действиями Игнатьева. К тому же двоих из них достали его меткие пули.

Лейтенант В. Жуков:

— Игнатьева я застал лежавшим на дороге с автоматом в руках. Снег под ним был красным, а сам он — белее снега. Его первые слова: «Задержали их?» Незамедлительно отвез Ариана в поселковую больницу, куда еще раньше доставили Журбу. Обоим им понадобилось сделать переливание крови. Узнав об этом, в приемном покое собрались все наши сотрудники. Каждый хотел помочь раненым. И помощь эта оказалась как нельзя кстати...

* * *

— Я выполнял свой служебный и партийный долг — так сказал Игнатьев при вручении ему ордена Красного Знамени.

И в этих словах вся суть его удивительно цельной, волевой природы.

Сейчас он снова в строю, работает по-прежнему следователем. Плечо зажило, рука действует нормально. И если понадобится, он сможет держать в этой руке оружие так же крепко, как в тот памятный февральский день.